

DOI: 10.18721/JHSS.8404

УДК 141.7(470)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ В.И. ЛАМАНСКОГО*

А.В. Малинов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается магистерская диссертация «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914), опубликованная в 1859 г. и защищенная в 1860 г. Приводится критика взглядов Ламанского, данная в рецензии А.Н. Пыпина. Показано, что в работе В.И. Ламанского впервые история славянских народов была рассмотрена со славянофильских позиций. Ламанский не только поставил новые научные вопросы и сформулировал гипотезы, но и реализовал в своем исследовании неевропоцентрическую точку зрения на историю. В своей книге он исходил из идей славянского единства, общности славянских языков и исторических судеб славянских народов. В диссертации Ламанского был предложен один из первых вариантов его цивилизационной концепции «трех миров», обосновано историческое и культурное своеобразие греко-славянского или Среднего мира.

Ключевые слова: В.И. Ламанский; славяне; славянофильство; диссертация; А.Н. Пыпин; критика; славяноведение; философия; история

Ссылка при цитировании: Малинов А.В. Магистерская диссертация В.И. Ламанского // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 4. С. 36–46. DOI: 10.18721/JHSS.8404

MASTER'S THESIS OF V.I. LAMANSKY

A.V. Malinov

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The article discusses the master's thesis of Vladimir Ivanovich Lamansky (1833–1914), a prominent Russian slavist, titled “On the Slavs in Asia Minor, in Africa and in Spain”, published in 1859 and defended in 1860. We present the critique of Lamansky's views given in the review by Pypin. It is shown that the significance of Lamansky's work is that the history of the Slavic peoples was considered from Slavophile positions for the first time. Lamansky not only posed new scientific questions and formulated hypotheses, but also

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 16-03-00450).

realized a non-Eurocentric point of view on history in his study. In his book, Lamansky proceeded from the ideas of Slavic unity, the commonality of the Slavic languages and of the historical destinies of the Slavic peoples. Lamansky's thesis put forward one of the first versions of his civilizational concept of the "three worlds", and substantiated the historical and cultural originality of the Greco-Slavic or middle world.

Keywords: V.I. Lamansky; Slavs; Slavophilism; thesis; A.N. Pypin; criticism; Slavic studies; philosophy; history

Citation: A.V. Malinov, Master's thesis of V.I. Lamansky, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (4) (2017) 36–46. DOI: 10.18721/JHSS.8404

Введение

Путь в науку крупнейшего отечественного слависта Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914) не был прямым. По окончании в 1854 г. Императорского Санкт-Петербургского университета он по настоянию отца поступил на службу – в Санкт-Петербургское губернское правление. Причинами, побудившими Ламанского расстаться с университетом, стали не очень удачная сдача экзаменов и вместо ожидаемой золотой – серебряная медаль за кандидатское сочинение «Рассуждение о языке „Русской правды“», которую он так и не забрал. В письмах студенческой поры Ламанский довольно резко отзывался о многих преподавателях, демонстративно пропуская проводимые ими занятия, и признавался, что, кроме И.И. Срезневского и М.С. Куторги, едва ли с кем из профессоров имеет хорошие отношения. Вероятно, это и сказалось во время окончания им университета, а И.И. Срезневский не смог или не пожелал поддержать своего ученика. На службе в правлении Ламанский, по его собственному признанию, так ни разу и не появился и перешел на службу в Публичную библиотеку без жалования. Менее чем через два года из-за конфликта с директором бароном М.А. Коршем Ламанский был вынужден оставить службу в библиотеке. С 1858 г. он служил старшим архивариусом в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ламанский искал такое место службы, где он мог бы беспрепятственно заниматься наукой – славистикой.

Результаты исследования

В 1858 г. В.И. Ламанский сдал экзамены на степень магистра. Результатом его славяновед-

ческих исследований стала книга «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании», которая вместе с «Историческими замечаниями к сочинению „О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании“» составила объемный том в 600 страниц [1, 2]. Это было первое крупное произведение Ламанского, до того времени опубликовавшего лишь несколько обзоров, рецензий и статей. Наиболее значительными из них были работы «О распространении знаний в России» [3] и «Несколько слов об отношении русских к грекам» [4]. Первую из этих работ можно отнести к программным работам Ламанского [5, с. 63–64], а вторая уже была связана с диссертацией.

Книга В.И. Ламанского была удостоена награды Академии наук – половинной Демидовской премии, а 31 января 1860 г. в Санкт-Петербургском университете защищена в качестве магистерской диссертации. В письме Л.Н. Майкову, отправленном 27 октября 1895 г., Ламанский писал: «Демидовскую премию за диссерт[ацию] я получил совершенно неожиданно: пришел как-то в суб[боту] к Срезн[евскому], и он меня поздравил, я был совершенно ошеломлен, так как ничего и не подозревал» [6, с. 207]. Примечательно, что премия была присуждена Ламанскому по разряду «География и статистика» [7, с. 40], так же как годом ранее и И.С. Аксакову за «Исследование торговли на украинских ярмарках».

Инициатором выдвижения сочинения В.И. Ламанского на премию был И.И. Срезневский. Он же подготовил отзыв на книгу, в котором отмечал молодость исследователя и возлагал надежду на его будущую научную деятельность. «Ламанский, – подчеркивал Срез-

невский, — показал себя и умел заслужить уважение именно как такой даровитый, основательно учено-образованный начинатель <...> на каждой странице, им написанной, видны и это научное трудолюбие, и редкая образованность, и сила правящей мысли, и исследовательность, которая не ограничивает себя знаниями и соображениями только того, что легко доступно, и ищет новых, нетронутых источников и пособий, и обращает внимание на менее разработанные и всё-таки важные части вопросов» [8, с. 126–127]. Рецензент отмечал малую изученность вопросов, «совестливо» исследуемых Ламанским «по источникам», а также то, что «несколько счастливых выследок сделано им о древнем присутствии славян в Малой Азии и Испании» [Там же. С. 129]. «Настолько же, думаю, достойно одобрения и его старание присоединить к решению вопроса общие начала народознания и ими пользоваться в случаях более затруднительных» [Там же]. В качестве недостатков он указывал «неравномерность частей», увлечение частностями, находил «некоторую поспешность в сведении фактов к выводам» [Там же]. В заключение Срезневский не преминул намеком укорить автора в славянофильстве. По его словам, «в книге Ламанского недостатков несравненно менее, чем достоинств, хотя при внешнем обозрении они видны менее, чем были бы видны в труде того, кто или по природе, или по привычке умеет придавать своему труду внешнее приличие и боится всяких увлечений, как чумы» [Там же. С. 130].

Отзыв И.И. Срезневского о книге Ламанского оставляет несколько двусмысленное впечатление. Его нельзя назвать полностью положительным, поскольку в качестве главных достоинств книги рецензент находит не ее содержание и выводы, а молодость и трудолюбие автора и связанные с ним надежды. Срезневского явно не удовлетворял славянофильский подтекст исследования.

В.И. Ламанский в своей речи перед магистерским диспутом объяснял, каким образом пришел к основной идее своей диссертации. По совету И.И. Срезневского он собирался написать исследование о «Законнике» Стефана Душана, но, столкнувшись с нехваткой источников, а также зная о том, что аналогичное исследование готовит А.А. Майков, отказался от первоначального замысла. Ламанский призна-

вался: «Приготовительные работы по этому предмету, при помощи моих прежних занятий, позволили мне подглядеть ту основную идею и те связующие начала, которые как бы сплачивают в одно целое историю болгар, сербов и хорватов и историю русского народа до такой степени, что многие явления нашей народной жизни или необъяснимы, или мало понятны без знакомства с бытом наших южных соплеменников, и некоторые более или менее знаменательные события нашей истории имеют поразительную аналогию и сходство с таковыми же событиями их истории. Прямо явная связь южно-славянской истории с историей Венгрии, а ее — с историей Чехии и Польши, этой же последней — с историей России, те основные отношения, в которых издавна находились эти страны к миру греческому, — все эти данные заставили меня вслед за другими признать в истории новой Европы особую действующую группу народов, отличающуюся, подобно другой европейской группе — романо-германской, своим особливим характером, своим замечательным прошедшим, твердой, непоколебимой верой в свое великое будущее, несмотря на все тяготы настоящего» [9, с. 137].

В нумерованном посвящении, адресованном Ф. Палацкому и датированном 17 мая 1859 г., В.И. Ламанский развивал свою мысль и раскрывал мотивы своей работы: «Глубокое уважение к западноевропейским народам и их блестящей образованности, уважение, соединенное с чувством благодарности и с тем вместе чуждое всякого рабского поклонения авторитетам, непоколебимая уверенность в светлую будущность, ожидающую племя славянское, в самобытность предстоящих ему подвигов, на свершение которых призвало его Провидение, одарившее греко-славянский мир богатством творческого духа и необходимым поприщем для его проявления ничуть не менее, чем мир древний, классический и мир новый, романо-германский, — вот одно из тех основных побуждений, которые, твердо надеюсь, всегда неуклонно будут руководить моей скромной деятельностью как гражданина и писателя. <...> ...Постоянное мое стремление возбуждать самодетельность в отечественных и соплеменных читателях, всячески содействовать развитию еще медленно пробуждающегося в нас самосознания — все эти данные да послужат...

в оправдание той смелости, с которой я решил свой первый ученый труд украсить Вашим славным именем...» [1].

Основная мысль диссертации состояла в том, что, по словам Ламанского, «народы славянские, южные, западные, в силу единоплеменности и сходства своих языков, в течение всей своей исторической жизни не могли совершенно утратить памяти о своем общем происхождении и сознания своего первоначального, внутреннего единства – постоянно находились в более или менее близких сношениях» [9, с. 138]. Различия и столкновения между славянами были следствием «чужеземных влияний», «подчинения чуждым стихиям» (азиатской, византийской, римско-немецкой). В результате в XVIII в. «начался процесс разложения славянских народностей» [Там же], затронувший большинство славян, за исключением русских. Русский народ не только выстоял в этой борьбе и сумел подчинить иностранные влияния своей народной стихии, «но и совершил поворот в истории славянского мира. Как принцип и идею он заставил признать славянскую личность» [Там же. С. 139].

Ламанский первоначально сосредоточился на изучении отношения русского народа к его соплеменникам и обратил внимание на то, что западноевропейские воззрения на Россию и русский народ не отделяют их от прочего славянского мира, поэтому в круг исследовательских проблем вошел и вопрос об отношении славянского мира к романо-германскому и другим мирам (греческому, арабскому). Масштаб поставленной задачи и обширность материалов побудили его ограничиться рассмотрением отношения славян к испанцам, арабам и народам Малой Азии. В одном из поздних писем академику А.А. Шахматову Ламанский признавался, что его диссертацию «правильнее было бы назвать „Арабский период истории славян”»¹. Свою работу Ламанский не рассматривал только как научный труд. В речи на защите он касался и актуальных для него политических вопросов об отношении славян к немцам, с одной стороны, и романским народам (итальянцам, испанцам) – с другой, видя в последних союзников в борьбе с германской гегемонией

в Европе. Не бесполезным Ламанский считал свое сочинение и для русского самосознания, пытаясь обосновать важность «умственного и литературного общения» русского народа с южными и западными славянами, поскольку «в глазах большинства образованных русских людей [оно] поныне представляется как бы делом пустым, ничтожным и не стоящим почти никакого внимания» [1, с. 191].

Связь русской, как и вообще славянской, истории с историей Европы во времена Ламанского ни у кого не вызвала сомнений. Он же поставил задачей своего исследования обнаружить точки соприкосновения славянской истории с историей Ближнего Востока, Африки и той части Европы, которая долгое время входила в политический и культурный ареал арабского мира, – Испании. Такой подход был новым для отечественной науки. Если монгольское владычество на Руси было фактом известным, но еще не до конца осмысленным, если история Византии еще только входила в круг научных интересов русских ученых, то обращение Ламанского к еще более отдаленным историческим регионам выглядело откровенной экзотикой, если не сказать исследовательской авантюрой. Недостаток сведений и скудость материалов усугублялись требованиями набирающей силу позитивистской историографии строго опираться все выводы на проверенные факты. Не всегда имея такую возможность, Ламанский прибегал к своеобразной реконструкции, переводя проблематические факты в ассерторические. Для него постановка новых вопросов и формулирование оригинальных точек зрения были важнее того бедного синтеза, на который уполномочивал исследователя ограниченный круг источников и фактов.

«Нельзя не заметить, – рассуждал Ламанский, – что успешная обработка истории Древней Руси встречает... сильное препятствие в тех понятиях, что, с одной стороны, не позволяют исследователю принимать то, что весьма само по себе вероятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидетельствовано², а с другой стороны, поддерживают в нем мысль ограничи-

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.

² Исследователь в наше время ни на единый миг не должен забывать, что есть факты двоякого рода: явные и тайные – и что последние гораздо важнее. – *Примеч. В.И. Ламанского.*

ваться одними отечественными источниками, например летописями, тогда как они недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать внимание только на одну жизнь государственную и политическую; как будто бы судьба русских, верных своей народности, не живущих, однако, в русской территории, не составляет органической части русской истории? Оттого забывают даже и упомянуть о той земле Русской, которая отошла к народу иноплеменному, хотя и сохранила свою народность» [1, с. 64]. В этом фрагменте Ламанский обозначает принципиальный для славянофилов приоритет истории народа над историей государства. Он изучает историю славянских народов вне зависимости от того, в состав какого государства входят эти народы или кому служат отдельные его представители и группы населения. Для столь мало изученного материала не всегда применим путь постепенного накопления фактов. Без систематической работы такие факты будут лишь случайными открытиями, но для начала такой работы необходимо дедуктивное утверждение, если хотите, вера в реальность самой истории. Без веры и убеждения, без определенной теоретической установки сами факты могут остаться незамеченными и непонятыми.

Содержание диссертации строится в строгом соответствии с ее заглавием. Три главы посвящены различным историческим сюжетам о славянах: в Малой Азии, и прежде всего в Западной Сирии; в Африке, и в первую очередь в Египте и турецких владениях в Африке; в Испании, преимущественно в арабский период ее истории. «Исторические замечания», дополняющие основное исследование, представляют собой отдельные заметки, очерки, рассуждения, статьи (в частности, в издание включена опубликованная в 1858 г. статья «О сношениях русских с греками»), которые были написаны уже во время подготовки книги к печати. В них содержатся более подробные сведения о некоторых сюжетах, рассматриваемых в монографии. Ламанский считал, что эти дополнения могут привлечь более широкий круг читателей, а не только ученых-специалистов. В них он выступал с критикой взглядов А.А. Куника, приводил исторические сведения о роксоланах, писал о чешских исторических деятелях (Иерониме Пражском и Жижке) и «чешском казачестве XV в.», на основе различных исторических при-

меров рассуждал о «русских гулящих людях», об отношении славян и русских к Пиренейскому полуострову и др.

Конечно, исследование Ламанского нельзя в строгом смысле отнести к философии. Для этого оно слишком фактологично, перегружено разнообразными сведениями, которые еще только должны послужить материалом для историософских обобщений. В своей магистерской диссертации исследователь еще далек от философско-исторического синтеза. Его славянофильство здесь нарочито декларативно и априорно. Значение этой книги в другом. Монография Ламанского стала одной из первых попыток в отечественной науке отказаться от европоцентрической точки зрения. Если для московских славянофилов это был только лозунг, то для Ламанского — исследовательская практика. Он предлагает исторически реабилитировать не только славян, но и, например, арабов, утверждая, что «место арабам в истории человечества суждено занять довольно видное» [Там же. С. 235].

В свет книга Ламанского вышла в 1859 г., и он считается годом рождения нового направления в науке — «психологии народов». В этом году в Германии был основан журнал «Психология народов и языкознание», в котором была опубликована программная статья М. Лацаруса и Г. Штейнтала «Вводные рассуждения о психологии народов». Немецкие ученые зафиксировали уходящее корнями в романтизм представление, что главной исторической силой выступает «дух народа», опознаваемый в языке, фольклоре, искусстве, религии, мифах и обычаях. Рассуждения Ламанского дают немало поводов для сопоставления его взглядов с мнением немецких ученых. Впрочем, говорить о заимствовании здесь едва ли уместно, поскольку они восходят к общему источнику — учению В. Гумбольдта [10–12]. Интуитивно и психологически Ламанский прослеживал у народов взаимные симпатии и антипатии, которые не поддаются измерению, но о которых свидетельствует история. Например, он находил много общих психологических черт в русском и испанском характерах, обосновывая успехи славянских переселенцев в арабской Испании (Андалусии) наличием у них таких черт характера, как «отсутствие всякой гордости и надменности в обращении с иноплеменниками, всегда столь

отталкивающих, живая восприимчивость, неразлучная с желанием и умением привлекать и привязывать к себе чужих» [2, с. 108–109], или проводил параллель между Россией и Америкой, эклектически соединяющей достоинства европейских переселенцев и, как юная нация, космополитически отвращающейся от прошлого [Там же. С. 112].

Среди новых для отечественной науки проблем, активно продвигаемых Ламанским, надо назвать византинистику. И позднее, уже будучи преподавателем в Санкт-Петербургском университете, затем деканом историко-филологического факультета, он всячески поддерживал и поощрял занятия историей Византии. Не случайно один из учеников Ламанского, Ф.И. Успенский, стал крупнейшим русским византинистом. У Ламанского не вызывало сомнения всемирно-историческое значение Византии, ее истории и культуры. Изучение Византии важно для уяснения не только русской истории, но и истории Европы в целом. «Кажется, ясно, — писал Ламанский, — что без основательного знакомства с образованностью византийской нам не понять вполне образованность романо-германского мира. После же Петра Великого, после же того тесного соприкосновения России с Европой Западной, основательное и многостороннее изучение ее истории стало одной из настоятельных потребностей наших» [Там же. С. 27]. «Изучение византийской истории, — продолжал он, — никому так не важно и необходимо, как русским; то же самое можно сказать и об изучении судьбы греков в господство турецкое и до новейшего времени» [Там же]. Совсем молодой в ту пору человек (в год публикации книги ему было 26 лет, а ведь писалась она ранее) предлагал ввести в высших учебных заведениях новогреческий язык и изучать греческую историю с IV в.

Еще одна из догадок Ламанского, оправданная последующим ходом развития исторической науки, была связана с монголами. Он предлагал реабилитировать монголов и, шире, кочевников, перестать смотреть на них только как на «бичей божиих». В книге приведены многочисленные факты взаимных влияний русских и монголов в XIII–XIV вв. (смешанные браки, переселения, крещение монголов) [1, с. 48–53]. Ламанский указывал на влияние «монголов на наше зодчество» [2, с. 94], писал о тесных свя-

зях русских с половцами [1, с. 60, 64–66, 73–74]. «Мы убеждены, — отмечал он, — что читателю не покажется парадоксом, если мы скажем, что *неволя татарская*, вредная для русских во многих отношениях, не стеснила, однако, их международных сношений, по крайности с Азией, и даже расширила их» [Там же. С. 53]. Обращаясь к более раннему историческому периоду (II–III вв.), Ламанский указывал на участие славянских племен в походах гуннов: «Грубость и жестокость гуннов не могут ни в каком случае служить опровержением верности предположения, что в рядах их принимали значительное участие славяне» [Там же. С. 149].

Наполненная редкими историческими фактами, оригинальными авторскими рассуждениями, монография Ламанского, в которой поставлены новые исследовательские проблемы, встретила довольно резкое отторжение со стороны представителей традиционной науки и господствующих исторических теорий. Она так и осталась маргинальной славянофильской экзотикой в отечественной историографии. Книгу не переиздавали, а самого автора стали обвинять в имперском экспансионизме, шовинизме и русском национализме. Такое мнение о труде Ламанского прозвучало уже в первом отзыве на него.

На книгу Ламанского откликнулся рецензией его университетский товарищ А.Н. Пыпин. Она была опубликована в журнале «Современник». В том же номере журнала были напечатаны статья Н.Г. Чернышевского «Антропологический принцип в философии» и материалы публичного диспута в Петербургском университете между М.П. Погодным и Н.И. Костомаровым о начале Руси. Несмотря на дружеские отношения с Ламанским, Пыпин никогда не разделял его славянофильских убеждений, что сказалось и в рецензии, тон которой был скорее насмешливым и фельетонным, а не критически-научным. Пыпин упрекал автора монографии в отсутствии научной строгости и доказательности, хотя этим грешила и сама рецензия. Отзывов о магистерском диспуте Ламанского не сохранилось. Тем ценнее звучит признание А.Н. Пыпина: «На этом защищении оказалось, между прочим, что петербургские ученые обнаружили заметную холодность к славянофильскому вопросу, весьма резко выставленному г. Ламанским; москвичи нас уверяли, что, явись диссертация в Москве,

она возбудила бы несравненно больше возражений с одной стороны и одобрений с другой. В самом деле славянофильство гораздо крепче утвердилось в Москве, и там оно ближе принималось к сердцу и друзьями, и врагами; в здешней столице книга г. Ламанского не произвела впечатления, которого бы можно было ожидать» [13, с. 309]. Указывая на равнодушие ученых и публики, присутствовавшей на защите, рецензент стремился подчеркнуть неактуальность самого исследования и его неорганичность, по крайней мере для столичной университетской науки. По мысли Пыпина, диссертация была защищена либо не на ту тему, которую считает достойной внимания академическая наука, либо не в том месте.

Рецензент сразу указал, что автор придерживается направления «Русской беседы», т. е. издававшегося в Москве славянофилами журнала. Не случайно один из основных упреков состоял в тенденциозности и партийности исследования. «В авторе было видимо желание высказаться со всех возможных сторон; ученая цель не раз скрывается за стремлениями пропагандиста» [Там же. С. 310]. По словам А.Н. Пыпина, Ламанский «приступил к труду с готовым взглядом, и факты принимают в его глазах такие необычайные размеры, что результаты выходят очень странными» [Там же].

Однако значение труда Ламанского критик видел именно в том, что в нем полнее всего высказаны взгляды славянофилов на славянство, которые в самом «московском кружке» до того оставались неопределенными. В чем же состояли эти взгляды? Ламанский, уточнял Пыпин, «старается доказать, что цивилизаторская роль славян начинается еще с так называемого мрака времен и с тех пор не прерывалась и до нашего времени. С этой мыслью он набирает сведения о поселениях славян в Малой Азии и в Африке, говорит о славянской цивилизации в Сирии и чрезвычайно хорошо округляет историю славянства» [Там же. С. 311]. «Главное, — продолжал он, — автору хочется установить на незыблемом основании славу славянского племени и обеспечить его будущее» [Там же. С. 318]. «Ему хотелось также выставить *славную* роль славянства в прошлые времена, убедить русскую публику в необходимости распространения русского языка вне пределов России и в необходимости „общения“ со славянами» [Там же. С. 321].

А.Н. Пыпин не может принять и понять славянофильскую аксиоматику Ламанского: идею славянского единства, общность языка, культуры и исторических судеб славян. Ламанский же, рассуждая о славянской взаимности, «исходит из положения незыблемого, что славяне всегда и во все времена сознавали единство своего общего происхождения, а потому и через то самое чувствовали друг к другу взаимное притяжение, которое поддерживалось у всех сходством языка, ослаблялось у одних вероисповедной борьбой, скреплялось и освящалось у других единоверием» [1, с. 236]. Рецензент не без издевки назвал подход Ламанского «всеславянским усердием» и отметил, что он «обобщает славянскую историю до такой степени, что все славянские народы ставит в тесные солидарные отношения, утверждая, что ими всегда руководило тайное сродство, вследствие чего подвиги одного племени столько же принадлежат другому, — и наконец в *гулящих людях...* видит великий подвижной элемент славянской истории, оказавший своему племени большие услуги» [13, с. 315]. Пыпин, со своей стороны, не прозревал оснований для такого единства и не считал народное начало, тем более «вольных и гулящих людей», в качестве одной из движущих сил славянской истории.

Поскольку с точки зрения федералистской концепции исторического процесса, разделяемой славянофилами, Русское государство формировалось путем колонизации, а не централизации, постольку движущей силой этой колонизации был именно вольно-народный элемент. Не признавая положительное значение колонизации, А.Н. Пыпин ернически попрекал Ламанского в страсти к завоеванию «новых земель». Между тем Ламанский в подвижном и восприимчивом, готовом к переменам и вступающем в межкультурные и межэтнические контакты вольно-народном элементе видел противоядие от национального самодовольства, узости восприятия других народов и культур, приводящих к национализму и шовинизму.

Как и Ю.Ф. Самарин в споре с представителями «государственной школы», Ламанский усматривал в этом народном элементе проявление самостоятельности и самодеятельности, присущих личности, на отсутствие которой в русской истории указывали оппоненты славя-

нофилов. По его словам, «воровская, бродяжная жизнь», открывая полный простор личности, более способна развивать известное чувство космополитизма, чем чувство национальности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности в домоседах, живущих в глуши и вообще разобщенных с иностранцами» [1, с. 311]. В дополнении к своей диссертации Ламанский прямо назвал «колонизаторский, подвижный дух» прогрессивным элементом в русской истории [2, с. 151].

Согласно Ламанскому, в истории народов действуют силы центростремительные и центробежные. Собираение земель вокруг Москвы есть пример действия центростремительных сил в русской истории. Напротив, толковины, бродники, казаки, вольница, самозванцы, бродяги, воры-разбойники были представителями силы центробежной. Однако и она имеет свое положительное значение в русской истории, выступает началом гражданской, общественной жизни, не нуждающейся в избыточной опеке и контроле со стороны государства. «Историки наши (Карамзин, Соловьёв и пр.), – писал Ламанский, – обратили преимущественное внимание, так сказать, на центростремительную силу нашей истории, почти вовсе опуская из виду значение силы центробежной. Но без нее невозможно было бы и *собираение* земли русской – нечего бы и собирать было. Почтив уважением труд собирателей, историк не должен умалчивать об отваге, удали и предприимчивости тех, кто отыскивал новые земли, распространял русский язык и знакомил с русским именем самые отдаленные края. Эта центробежная сила нередко представляет таких же *грозных* деятелей, как и противоположная ей. Самые дикие ее обнаружения доказывают только, что в русском народе всегда жило, хоть и смутно, сознание в необходимости существования в стране, помимо государства – гражданского общества. <...> Нередко страшные проявления этой центробежной силы в нашей истории – не что иное, как протест ее против излишних притязаний силы ей противоположной» [Там же. С. 155, примеч.].

Следующий упрек рецензента был направлен на методологию исследования, которую он считал далекой от стандартов научности. «В его критическом методе обыкновенные доказательства занимают очень мало места. <...>

Обыкновенно он находит их мало для подкрепления своих мнений: он заменил их совершенно отвлеченными рассуждениями, отдаленными аналогиями, таинственным сродством и множеством диалектики» [13, с. 311]. Умозрительность и бездоказательность – вот на чем, по мнению А.Н. Пыпина, держится вся работа Ламанского. Он обвинял автора в фантазиях, в писании «на авось», отсутствии достаточного количества фактов, критиковал за многочисленные отступления, которые заменяют исследование фактов, и «бесплодные натяжки над историческими фактами» [Там же. С. 318].

Упрек в недостаточной фактической обоснованности диссертации Ламанского едва ли справедлив. Привлекаемый молодым ученым круг источников обширен; никто до Ламанского не проделал столь масштабной источниковедческой работы по собиранию сведений о славянах в Малой Азии, Африке, Испании. Другое дело, что Ламанский для подтверждения верности этих фактов нередко приводит данные из современной жизни, стараясь показать живучесть многих форм славянского быта, преемственность славянской истории и сохранение славянства как особого этнического и культурного типа. Однако А.Н. Пыпин как раз и не видел этого единства и преемственности, полагал все аналогии лишь методологической уловкой. Ламанский в этом случае действительно предстает как политический мыслитель, философ истории, в то время как Пыпин настаивает на необходимости оставаться на узкой почве ограниченных фактов. С этой стороны труд Ламанского сродни историческим разысканиям А.С. Хомякова, а не позитивистской историографии, на которую ориентировался его рецензент. Стоит отметить, что многие фактологически неубедительные данные, приведенные Ламанским и высмеянные Пыпиным, нашли подтверждение в последующих исторических исследованиях.

Кроме того, А.Н. Пыпин усмотрел в труде Ламанского «массу парадоксов» и «всеславянские мечтания», считал книгу «слишком эксцентричной» для научного исследования. В конце рецензии он примирительно и несколько снисходительно заявил, что в книге «рассеяно множество любопытных данных <...> новых в нашей литературе», которые «многое прибавят к истории славянства, но теорети-

ческие построения автора часто совершенно бездоказательны или ничего не доказывают» [13, с. 322]. Подробный обзор оценок взглядов Ламанского, данных А.Н. Пыпным, приведен в книге Е.П. Аксёновой «А.Н. Пыпин о славянстве» [14, с. 343–347].

Рецензия А.Н. Пыпина на диссертацию Ламанского не поколебала их студенческой дружбы, но и не способствовала дальнейшему сближению. Любопытно замечание Ламанского о встречах с Пыпиным в Праге во время своей первой заграничной командировки. «Здесь живет также Пыпин, — писал он родителям, — с которым я встречаюсь каждый день в „Чешской беседе“, но не говорю с ним ни слова. Чехи объясняют это тем, что он западник, а я восточник...»³ Ламанский не мог согласиться и с интерпретацией славянофильства, предложенной Пыпиным. В его статьях, полагал Ламанский, «можно ознакомиться с узкими и односторонними понятиями Пыпина о разных вещах и решительно нельзя почерпнуть верного и ясного представления о славянофилах» [15, с. 27–28]. Впоследствии Ламанский также выступал с рецензиями на работы Пыпина. Готовя рецензию для газеты «Русь» на второе издание «Истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича [16], он писал И.С. Аксакову: «Над Пыпиным немножко тут посмеиваюсь, кажется, не обидно. Для него. Не хотелось бы с ним ссориться, он человек хороший, хотя совсем несамостоятельный и вечно под чужим влиянием. Если что Вам резко покажется о Пыпине, смягчите, пожалуйста»⁴.

Книгу «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» В.И. Ламанский отправил многим славянским ученым и общественным деятелям в Европе. Так, через В.В. Ганку он передал экземпляры в чешский музей, П.П. Шафарику, К.Э. Эрбену и Ф. Палацкому. В ответном письме, благодаря за книги, Ганка отмечал, что «экземпляр для г. Палацкого опоздал, и [так] как он точно уехал в Вену, то я его отдал зятю его г. Ригру, который мне сказал, что жена его, дочь Палацкого, через несколько дней поедет тоже в Вену и вручит экз[емпляр] отцу

сама»⁵. Посвящение магистерского исследования Ф. Палацкому пришлось по душе чешской интеллигенции. В 1862 г. Ламанский писал министру народного просвещения А.В. Головнину о своем прибытии в Прагу: «В Праге меня уже знали. Чехам особенно польстило то, что я посвятил свою магистерскую диссертацию Палацкому. О моем приезде в Прагу было напечатано в журн[але]: „Милый гость живет теперь у нас“ и т. д.» [6, с. 191].

Заключение

Защита магистерской диссертации открывала Ламанскому путь в науку. Он перешел на службу в Министерство народного просвещения и получил возможность отправиться в командировку с учеными целями в славянские земли. Эта командировка продлилась два с половиной года. Однако в Санкт-Петербургский университет Ламанский вернулся более чем десятилетие спустя после его окончания. В 1865 г. он приступил к чтению лекций в должности доцента кафедры славянской филологии. Изданные Ламанским позже монографии — «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871), «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892), «Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник» (1915) — практически не имели откликов и последствий для философии или славистики. На эти работы не были опубликованы рецензии, и они остались почти незамеченными. Для коллег-славистов монографии Ламанского были слишком философскими, а славянофильство, сближавшееся в конце XIX в. с консервативно-националистической идеологией, было уже не способно принять высказанные в них идеи. Сам Ламанский понимал междисциплинарность своих исследований, поэтому относил их к разряду политической географии. Влияние В.И. Ламанского на отечественную славистику оказывалось через его учеников, созданную им «научную школу», в то время как в XX в. его идейное наследие, преданное забвению на родине, опосредованно было воспринято в эмиграции евразийцам.

³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 24 об.

⁴ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 127. Л. 145 об.

⁵ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 397. Л. 1 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 370 с.
2. Ламанский В.И. Исторические замечания к сочинению «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании». СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1859. 230 с.
3. Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. 1857. Т. LXIII, № 5. С. 1–46.
4. Ламанский В.И. Несколько слов об отношении русских к грекам // Русская беседа. 1858. Кн. 12. Смесь. С. 103–140.
5. Малинов А.В. Политическое славяноведение В.И. Ламанского // Клио. 2016. № 8 (116). С. 62–71.
6. Письма В.И. Ламанского К.С. Аксакову, А.В. Головнину, О.Ф. Миллеру, В.М. Владиславлеву, Л.Н. Майкову // Вече. 2009. № 19. С. 172–209.
7. Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 25 июня 1865 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865. 408 с.
8. Срезневский И.И. Разбор сочинения В.И. Ламанского «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Двадцать девятое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. 16 июня 1860 года. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. С. 125–130.
9. Ламанский В.И. Речь, произнесенная в С.-Петербургском университете 31 января 1860 г. при публичной защите диссертации на степень магистра: «О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» // Русская беседа. 1860. Кн. 19, № 1. С. 135–148.
10. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (к публикации «Исторических писем об отношении русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (10). С. 89–94.
11. Куприянов В.А. Структура Европы в философско-историческом учении В.И. Ламанского // Вече. 2016. № 28. С. 213–216.
12. Куприянов В.А. Геополитическая культурология в трактате В.И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» // Россия в глобальном мире. 2016. № 2 (32). С. 582–586.
13. Пыпин А.Н. Новые славянские исследования // Современник. 1860. Т. LXXX. Отд. III. С. 309–328.
14. Аксёнова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М.: Индрик, 2006. 504 с.
15. Ламанский В.И. О том, что будто немецкой культуры нет, никогда не бывало и быть не может. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1884. 51 с.
16. Ламанский В.И. История славянских литератур А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича // Русь. 1880. № 1, 3, 5, 7; 1881. № 8.

Малинов Алексей Валерьевич

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.11.2017 г., принята к публикации 14.12.2017 г.

REFERENCES

- [1] V.I. Lamanskiy, O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii [About the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain], St. Petersburg, 1859.
- [2] V.I. Lamanskiy, Istoricheskiye zamechaniya k sochineniyu «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [Historical comments on the work “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], St. Petersburg, 1859.
- [3] V.I. Lamanskiy, [On the dissemination of knowledge in Russia], Sovremennik, LXIII (5) (1857) 1–46.
- [4] V.I. Lamanskiy, [A few words about the attitude of Russians to the Greeks], Russkaya beseda, 12 (1858) 103–140.
- [5] A.V. Malinov, [Political Slavic Studies V.I. Lamanskiy], Klio, 8 (116) (2016) 62–71.
- [6] [Letters V.I. Lamanskiy to K.S. Aksakov, A.V. Golovnin, O.F. Miller, V.M. Vladislavlev, L.N. Maykov], Veche, 19 (2009) 172–209.
- [7] Tridsat' chetvertoye i posledneye prisuzhdeniye uchrezhdennykh P.N. Demidovym nagrad. 25 iyunya 1865 goda [Thirty-fourth, and the last award of the awards, established by P.N. Demidov, on June 25, 1865], St. Petersburg, 1865.
- [8] I.I. Sreznevskiy, Razbor sochineniya V.I. Lamanskogo «O slavyanakh v Maloy Azii, v Afrike i v Ispanii» [Analysis of the works of V.I. Lamanskiy “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], in: Dvadsat' devyatoye prisuzhdeniye uchrezhdennykh P.N. Demidovym nagrad. 16 iyunya 1860 goda [Twenty-ninth award of the awards, established by P.N. Demidov, on June 16, 1860], St. Petersburg, 1860, pp. 125–130.
- [9] V.I. Lamanskiy, [Speech delivered at the St. Petersburg University on January 31, 1860 with the public defense of the thesis for a master's degree: “On the Slavs in Asia Minor, Africa and Spain”], Russkaya beseda, 19 (1) (1860) 135–148.

[10] V.A. Kupriyanov, A.V. Malinov, ["I serve the people ..."] (to the publication of "Historical letters on the relations of the Russian people to his fellow tribesmen" of V.I. Lamansky)], *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (10) (2016) 89–94.

[11] V.A. Kupriyanov, [The structure of Europe in the philosophical and historical teachings of V.I. Lamansky], *Veche*, 28 (2016) 213–216.

[12] V.A. Kupriyanov, [Geopolitical culturology in the treatise V.I. Lamansky "The Three Worlds of the Asian-European Continent"], *Rossiya v global'nom mire*, 2 (32) (2016) 582–586.

[13] A.N. Pypin, [New Slavic Studies], *Sovremennik*, LXXX (III) (1860) 309–328.

[14] Ye.P. Aksenova, A.N. Pypin o slavyanstve [A.N. Pypin about the Slavs], Indrik, Moscow, 2006.

[15] V.I. Lamanskiy, O tom, chto budto nemetskoy kul'tury net, nikogda ne byvalo i byt' ne mozhet [There is never, and can not be, the fact that there is no German culture], St. Petersburg, 1884.

[16] V.I. Lamanskiy, [History of Slavic literatures Pypin and V.D. Spasovich], *Rus'*, 1, 3, 5, 7 (1880), 8 (1881).

Malinov Alexey V.

E-mail: a.v.malinov@gmail.com

Received 13.11.2017, accepted 14.12.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017